

УДК 347.1

DOI 10.37279/2413-1733-2021-7-2-219-225

ИНСТИТУТ ДОБРОСОВЕСТНОСТИ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Соляник В. В., Никоненко Е. И.

В статье рассматривается институт добросовестности как базовая юридическая категория для общеправовых и отраслевых наук. Авторы указывают на то, что актуальность работы определяется тем, что в доктрине российского гражданского права в настоящее время уделяется все больше внимания фундаментальным юридическим понятиям, категориям и конструкциям, составляющим фундаментальные теоретические и методологические постулаты как общеправовых, так и отраслевых наук. Одной из таких категорий, органически входящей в структуру частного права составляет понятие добросовестности.

Авторы проводят теоретико-правовой анализ института добросовестности, освещая различные точки зрения, иногда даже противоположные. Одновременно авторы предпринимают попытку выявления содержания критериев добросовестности в связи с тем, что в настоящее время законодательство их не устанавливает.

Также авторы в процессе исследования института добросовестности поднимают вопрос о соотношении категорий «недобросовестность» и «злоупотребление правом».

В заключении авторы делают вывод о том, что добросовестность следует рассматривать как совокупность объективного и субъективного элементов, что обусловлено необходимостью учёта при разрешении конкретного дела как внутреннего отношения лица к своим действиям с точки зрения осознания им противоправности либо правомерности своих действий, желания причинить ущерб третьим лицам, либо наличия извинительного заблуждения в своей правоте.

Ключевые слова: принцип, добросовестность, справедливость, юридическая категория, частное право, гражданское право.

В настоящее время доктрина российского права в целом, гражданского права в частности, акцентирует внимание на такой фундаментальной юридической категории как добросовестность, которая является базовой как для общеправовых, так и отраслевых наук.

Подход к добросовестности осуществляется с позиций пределов осуществления гражданских прав; в связи с исследованием принципов гражданского права; в части рассмотрения условий удовлетворения виндикационных требований и возможности приобретения права собственности добросовестным приобретателем; в давностном владении.

В специальной юридической литературе указывается, что: «практически во всех юридических положениях находят известное выражение господствующие в гражданском обществе идеалы, включая представления о добре и зле. По логике вещей, юридические акты, поскольку они являются собой преломление законодательных велений, не должны наносить вреда заслуживающим уважения интересам. Как следствие, субъективно порочные действия, причиняющие зло, даже если они формально не противоречат закону, не могут находить поддержку у государства. Неслучайно в положении п. 4 ст. 1 ГК РФ, предусматривающем вариант проявления принципа добросовестности, понятия «незаконное» и

«недобросовестное» поставлены в один ряд и вместе с тем соединены союзом «или», что свидетельствуют как о близости, так и неравнозначности данных понятий. В этой связи требуется тщательное цивилистическое исследование проблем добросовестности, результаты которого могли бы использоваться при разрешении конкретных юридических дел» [1, с. 7].

Принцип добросовестности «может являться достаточно мощным оружием судебной практики, которая с его помощью может дополнять и развивать позитивное право. Но при этом любое оружие в неумелых руках либо в руках лиц с не самыми добрыми намерениями может оказаться весьма опасным и привести к противоположному результату. И в этом смысле судебная практика, неспособная оперировать принципом добросовестности с должным пониманием его целей и задач, может причинить большой вред и стабильности оборота, и праву в целом» [2, с. 76].

При имеющимся в распоряжении представителей судейского сообщества таком инструментария как институт добросовестности должны быть нормативно урегулированы цели, задачи, функции, сфер его применения, а также способы реализации принципа при осуществлении правосудия

В этой части необходимо согласиться с С.В. Сарбашом, верно заметившим, что «единственным доктором в случае неточности или неясности закона является судья, а ассистентом у него выступает доктрина, которая и подает ему необходимые инструменты для решения конкретной задачи» [3, с. 12].

Принцип добросовестности: «хотя и является очень мощным инструментом в достижении справедливости, но в то же время очень абстрактен. При этом на практике при решении конкретного дела добросовестность не может быть абстрактной, она должна быть конкретной» [3, с. 13], т.е. необходимо обличить в соответствующую форму и наполнить его конкретным содержанием.

Изучая содержание принципа добросовестности, наблюдаем диаметрально разные точки зрения в цивилистической науке, что получило свое отражение в различных подходах к объяснению сущности рассматриваемого явления [4, с. 75]. Так, по мнению одних авторов: «добросовестность следует определить как оценочное понятие, не имеющего точного определения» [5, с. 79], другая же группа представителей юридической науки напротив: «подлежит дефиниции и связывается [6, с. 121] или не связывается [7, с. 95] с нравственностью (моралью), а также разделяется на добросовестность в объективном и субъективном смыслах» [18, с. 87]. В отдельных случаях добросовестность сопоставляется с невиновностью [9].

Как отмечает В.В. Витрянский, «...ни в Кодексе, ни в каком-либо ином федеральном законе определить какие-то подходы, параметры, понятия добросовестности, справедливости, разумности в принципе невозможно» [10, с. 7].

«Добрая совесть может восприниматься как ценность, выражающая позицию лица, которое уважает своего контрагента, видит в нем равного себе и этим актом признания и приравнивания постоянно воспроизводит право на элементарном и тем самым на всеобщем уровне» [5, с. 77]. Однако в таком контексте добросовестность не может считаться правилом поведения.

Добрая совесть может означать осмотрительность, разумную осторожность, уважительное отношение к праву и контрагенту, исправное исполнение своих обязанностей [5, с. 78].

Следует особо подчеркнуть, что закон основывается на предположении, что и физические и юридические лица ведут себя добросовестно при осуществлении хозяйственной деятельности.

На наш взгляд, именно в данном контексте и необходимо подходить к пониманию добросовестности, которое упоминается в п. 2 ст. 6 ГК РФ: при невозможности использования аналогии закона права и обязанности сторон определяются исходя из общих начал и смысла гражданского законодательства (аналогия права) и требований добросовестности, разумности и справедливости.

Эта норма имеет четкую системную связь с положением п. 5 ст. 10 ГК РФ о презумпции добросовестности участников гражданских правоотношений: добросовестность участников гражданских правоотношений и разумность их действий предполагаются.

Несомненно, в основе гражданского законодательства не может лежать идея о том, что субъекты гражданского права всегда совершают неправомерные действия либо ведут себя неразумно или неосмотрительно.

В научной литературе отмечается, что «положение п. 5 ст. 10 ГК РФ содержит не только презумпцию добросовестности, но и другое принципиальное законодательное предписание, а именно норму, позволяющую определить место добросовестности в системе гражданско- правового регулирования общественных отношений.

Данная законодательная формулировка, по сути, содержит правило о том, что добросовестность имеет юридическое значение только в тех случаях, когда это прямо предусмотрено законом. В связи с этим не вызывает сомнения такой подход к добросовестности, в соответствии с которым ее юридический эффект зависит от воли законодателя» [11, с. 137].

Необходимо отметить, что добросовестное поведение субъектов правоотношений, должно характеризоваться совершением активных действий. В отношении добросовестного поведения, следует отметить недопущение противоположного - недобросовестного - поведения (пассивная обязанность).

Соответствующая обязанность имеет следующие функции. Во-первых, «обязанность активного типа всегда указывает на необходимое свойство надлежащего поведения субъектов гражданского права. В данном случае таким свойством становится добросовестность. Во-вторых, обязанности пассивного типа устанавливают пределы осуществления прав [12, с.3]. Недобросовестность очевидно находится за пределами правопользования, установленными законом» [13].

Аналогичное понимание обнаруживается и в судебной практике. Так, в одном из своих Определений Верховный Суд РФ указал, что принцип добросовестности определяет пределы осуществления участниками гражданских правоотношений своих субъективных прав [14].

Действительная воля законодателя может быть установлена только в результате толкования юридических норм. Толкование права всегда имеет конкретный характер [15, с. 99].

Таким образом, воля законодателя, выясняемая при толковании и применении закона, носит конкретный характер и определяет выбор законодателем в определенной ситуации приоритета того или иного интереса.

В настоящее время законодательство не содержит понятия и содержания критериев добросовестности.

Добросовестное поведение, является противоположностью недобросовестных действий, и должно выражаться в противоположных признаках.

Во-первых, «добросовестное поведение имеет место не только при нарушении, но и при соблюдении режима общего императивного запрета, причем соблюдение режима общего императивного запрета одновременно означает соответствие поведения закону, действующему напрямую или через широко допускаемые гражданским правом средства индивидуального регулирования, и правовым обычаям» [16, с. 62].

Во-вторых, добросовестность есть такое состояние, при котором лицо не только сознает недопустимость нарушения режима общего императивного запрета, но и действует с намерением строго соблюдать чужие интересы. Так, «при осуществлении права он хотя и имеет в виду прежде всего собственный интерес, но непременно учитывает и чужие интересы, которые могут пострадать от соответствующих действий, при исполнении обязанности - строго следует ее велению в интересах управомоченного, ожидающего от него именно такое поведение, и т.п.» [17, с. 124].

В-третьих, при добросовестном поведении лицо субъективно сознает, что действует в пределах режима общего императивного запрета, хотя объективно может их нарушить. Добросовестное нарушение режима общего императивного запрета образует особый вид неправомерного поведения, если только добросовестность не устраняет неправомерности» [16, с. 63].

В процессе исследования института добросовестности необходимо акцентировать внимание на определении соотношения категорий «недобросовестность» и «злоупотребление правом» для выявления их содержания.

В юридической литературе недобросовестность понимают в большинстве случаев как характеристику субъективной стороны поведения участников гражданских правоотношений. Так, в качестве недобросовестного поведения в цивилистике рассматривают: отсутствие должной заботливости о соблюдении прав и интересов третьих лиц [18, с. 14], осознание субъектом своих действий и вероятности причинения ими вреда, а также отношение к этому знанию [19, с. 73]; нечестность при осуществлении прав, исполнении обязанностей, а также попытка создать видимость права, в действительности отсутствующего [20, с. 15]. Недобросовестность — это антипод добросовестности.

По мнению В.П. Грибанова, «злоупотребление правом - особый тип гражданского правонарушения, совершаемого управомоченным лицом при осуществлении им принадлежащего ему права, связанный с использованием недозволенных конкретных форм в рамках дозволенного ему законом общего типа поведения» [21, с. 184].

К сожалению, ни теории цивилистики, ни в правоприменительной практике не сложилось единого подхода к определению данного соотношения. В частности, В.И. Емельянов [22, с. 60] отмечает тождественность рассматриваемых категорий, потому как категория «добросовестность» введена в гражданское законодательство с целью уточнения нечеткого, расплывчатого правового явления «злоупотребление правом». Е.В. Вавилин [23, с. 163], наоборот, полагая, что запрет злоупотреблять

своими правами введен в гражданское законодательство для уточнения ёмкой, оценочной категории «добросовестность», считает злоупотребление правом формой недобросовестного поведения. Е.Е. Богданова [24, с. 33], И.В. Сазанова [25, с. 172] также отмечают многозначность понятия «недобросовестность» по отношению к понятию «злоупотребление правом». Г.А. Гаджиев [26, с. 186], М.М. Якубчик [27, с. 107] полагают, что данные правовые категории являются взаимно пересекающимися, но не тождественными. Г.Т. Бекназар-Юзбашев [28, с. 13], сопоставляя «злоупотребление правом» и «добросовестность», сделал вывод об их функциональном единстве.

Позиция С.Д. Радченко заключается в отсутствии взаимосвязи между недобросовестностью в субъективном смысле и злоупотреблением субъективными правами [29, с. 12]. Представляется логичным, утверждать об имеющейся взаимосвязи между данными правовыми понятиями хотя бы потому, что их следствием является нарушение требования добросовестности.

Требование добросовестности – элемент законности, указывающий каждому субъекту права на необходимость совершать юридические действия с оглядкой не только на букву, но и на внутренний смысл закона, не допускающего нарушения чужих интересов даже внешне дозволенным или предписанным поведением.

Добросовестность является одним из условий обеспечения справедливого общественного сосуществования. Наибольшее значение она приобретает в гражданском праве, регулирующем дозволительным приемом отношения с широко представленными индивидуальными интересами, зачастую приводящими к непомерным проявлениям свободы воли. Поэтому здесь на первый план и выдвигается требование добросовестности.

Таким образом, принцип добросовестности представляет собой обязательное частноправовое дополнение общеправового принципа законности, без которого в гражданском законодательстве имелись бы пробелы, которые бы допускали бы возможность совершения недобросовестных действий. Принцип добросовестности подразумевает совершения субъектами права в целом, гражданского права, в частности, совершать дозволенные или предписанные волевые правовые действия с убеждением, что данными действиями не нарушаются чьи-либо субъективные права или охраняемые законом интересы, т.е. проявлять в юридической деятельности всестороннюю заботу о ближнем, обществе и государстве. Нарушение данного требования ставит действия лица в один ряд с незаконными - недобросовестное поведение признается неправомерным со всеми вытекающими отсюда юридическими последствиями. Кроме того, недобросовестность, будучи антиподом добросовестности, в ряде случаев характеризует незаконное поведение с субъективной стороны, заменяя собой в целях адекватного применения гражданского законодательства вину в ее публично-правовом понимании.

Список литературы

1. Груздев В.В. Гражданско-правовое значение добросовестности // Право и экономика. 2016. № 2. С.7
2. Нам К.В. Принцип добросовестности: некоторые проблемы развития доктрины // Вестник гражданского права. 2017. № 6. С. 76.
3. Сарбаш С.В. Единственный доктор для закона – это судья // Закон. 2017. № 4. С. 12
4. Соломин С.К. Теория добросовестности в российском гражданском праве: становление, развитие, перспективы // Вестник Омского ун-та. 2016. N 2. С. 75 - 81.

5. Скловский К.И. Применение норм о доброй совести в гражданском праве России // *Хозяйство и право*. 2002. N 9. С. 79
6. Кузнецова О.А. Презумпции в российском гражданском праве: Дис. канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2001. С. 121
7. Толстой Ю.К. Содержание и гражданско-правовая защита права собственности в СССР. Л., 1955. С. 95
8. Синайский В.И. Русское гражданское право. Киев, 1917. Вып. 1. Общая часть. С. 87; Амфитеатров Г.Н. Вопросы виндикации в советском праве // *Советское государство и право*. 1941. N 2. С. 47
9. Дроздова Т.Ю. Добросовестность в российском гражданском праве. Иркутск, 2006. С. 11.
10. Аверьянова М.В. Защита добросовестного приобретателя в российском гражданском праве: автореф. ... канд. юрид. наук. М., 2001. С. 24.
11. Витрянский В.В. Гражданский кодекс и суд // *Вестник ВАС РФ*. 1997. N 7. С. 132.
12. Ульянов А.В. Добросовестность в гражданском праве // *Журнал российского права*. 2014. № 6 (210). С. 137.
13. Ем В.С. Категория обязанности в советском гражданском праве (вопросы теории): автореф. дис. канд. юрид. наук. М., 1981. С. 3 - 4.
14. Цакоева М.А. К вопросу о формах реализации принципа добросовестности в обязательственных правоотношениях в сфере новелл Федерального закона от 8 марта 2015 г. № 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» // *Юстиция*. 2017. № 1. С. 32–39.
15. Определение Верховного Суда РФ от 2 декабря 2014 г. N 5-КГ14-121 // СПС Консультант Плюс.
16. Черданцев А.Ф. Толкование права и договора. М., 2003. С. 99.
17. Грибанов В.П. Пределы осуществления и защиты гражданских прав // *Осуществление и защита гражданских прав*. М., 2001. С. 49, 62 - 63.
18. Новицкий И.Б. Принцип доброй совести в проекте обязательственного права // *Вестник гражданского права*. 2006. N 1. С. 124 – 125
19. Аверьянова М.В. Защита добросовестного приобретателя в российском гражданском праве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. 14 с.
20. Бабаев В.К. Презумпции в советском праве. Горький, 1974. 124 с.
21. Белых В.С. Основные направления совершенствования части первой Гражданского кодекса Российской Федерации // *Предпринимательское право*. 2010. №1. С. 15 - 21
22. Грибанов В.П. Пределы осуществления и защиты гражданских прав. М.: Юридическая литература, 1992. 401 с.
23. Емельянов В.И. Разумность, добросовестность, злоупотребление гражданскими правами. М.: «Лекс – Книга», 2002. 160 с.
24. Вавилин Е.В. Осуществление и защита гражданских прав. М.: Волтерс Клувер, 2009. 360 с.
25. Богданова Е.Е. Добросовестность участников договорных отношений и проблемы защиты их субъективных гражданских прав. Автореф. дис. ... док. юрид. наук. Москва, 2010. 64 с.
26. Сазанова И.В. О соотношении понятий «недобросовестность» и «злоупотребление правом» // *Российский юридический журнал*. 2008. №1. С. 172-177.
27. Гаджиев Г.А. Конституционные принципы рыночной экономики. М.: «Юрист», 2004. 286 с.
28. Якубчик М.М. Комплексное понятие добросовестности: соотношение с доктриной злоупотребление правом // *Журнал российского права*. 2012. №10. С. 107-115.
29. Бекназар-Юзбашев, Г.Т. Злоупотребление правом и принцип доброй совести в гражданском праве России и Германии. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 25 с.
30. Радченко С.Д. Злоупотребление правом в гражданском праве России: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. 30 с.

Solyanik V. V. Nikonenko E. I. Institute of integrity: theoretical and legal analysis // *Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical Science*. – 2021. – Т. 7 (73). № 2. – P. 219-225.

The article examines the institution of good faith as a basic legal category for general legal and industrial sciences. The authors point out that the relevance of the work is determined by the fact that the doctrine of Russian civil law is now paying more and more attention to fundamental legal concepts, categories and constructions that make up the fundamental theoretical and methodological postulates of both general legal and industrial sciences. One of these categories, classically included in the structure of private law, is the concept of conscientiousness.

The authors conduct a theoretical and legal analysis of the institution of integrity, highlighting different points of view, sometimes even opposite ones. At the same time, the authors make an attempt to identify the content of the criteria of good faith due to the fact that currently the legislation does not establish them.

Also, in the process of researching the institution of good faith, the authors raise the question of the relationship between the categories of "bad faith" and "abuse of law".

In conclusion, the authors conclude that conscientiousness should be considered as a combination of objective and subjective elements, which is due to the need to take into account when resolving a particular case

as an internal attitude of a person to his actions from the point of view of his awareness of the illegality or legitimacy of his actions, the desire to cause damage to third parties, or an excusable error in their rightness.

Keywords: principle, good faith, fairness, legal category, private law, civil law.

Spisok literary:

1. Gruzdev V.V. Civil law value of good faith // Law and Economics. 2016. No. 2. P.7
2. To us K.V. The principle of good faith: some problems of the development of the doctrine // Bulletin of civil law. 2017. No. 6. P. 76.
3. Sarbash S.V. The only doctor for the law is a judge // Law. 2017. No. 4. P. 12
4. Solomin S.K. The theory of conscientiousness in Russian civil law: formation, development, prospects // Bulletin of Omsk University. 2016. N 2.P. 75 - 81.
5. Sklovsky K.I. Application of the norms of good conscience in the civil law of Russia // Economy and law. 2002. N 9.P. 79
6. Kuznetsova O.A. Presumptions in Russian civil law: Dis. Cand. jurid. sciences. Ekaterinburg, 2001.S. 121.
7. Tolstoy Yu.K. Content and civil protection of property rights in the USSR. L., 1955.S. 95
8. Sinaisky V.I. Russian civil law. Kiev, 1917. Issue. 1. General part. P. 87; Amphitheatrov G.N. Vindication issues in Soviet law // Soviet state and law. 1941. No. 2.P. 47;
9. Drozdova T.Yu. Conscientiousness in Russian civil law. Irkutsk, 2006. P. 11. Averyanova M.V. Protection of a bona fide purchaser in Russian civil law: author. ... Cand. jurid. sciences. M., 2001.S. 24.
10. Vitryansky V.V. Civil Code and Court // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. 1997. N 7.S. 132.
11. Ulyanov A.V. Conscientiousness in civil law // Journal of Russian law. 2014. No. 6 (210). P. 137.
12. Em V.S. Category of duty in Soviet civil law (theoretical questions): author. dis. ... Cand. jurid. sciences. M., 1981.S. 3 - 4.
13. Tsakoeva M.A. On the question of the forms of implementation of the principle of good faith in legal obligations in the sphere of short stories of the Federal Law of March 8, 2015 No. 42-FZ "On Amendments to Part One of the Civil Code of the Russian Federation" // Justice. 2017. No. 1. P. 32-39.
14. Determination of the Supreme Court of the Russian Federation of December 2, 2014 N 5-KG14-121 // SPS Consultant Plus.
15. Cherdantsev A.F. Interpretation of law and contract. M., 2003.S. 99.
16. Gribanov V.P. The limits of the exercise and protection of civil rights // Implementation and protection of civil rights. M., 2001.S. 49, 62 - 63.
17. Novitsky I.B. The principle of good conscience in the draft law of obligations // Bulletin of civil law. 2006. N 1.S. 124 - 125
18. Averyanova M.V. Protection of a bona fide purchaser in Russian civil law: Author's abstract. dis. ... Cand. jurid. sciences. M., 2001.14 p.
19. Babaev V.K. Presumptions in Soviet law. Gorky, 1974.124 p.
20. Belykh V.S. The main directions of improving the first part of the Civil Code of the Russian Federation // Entrepreneurial Law. 2010. No. 1. S. 15 - 21
21. Gribanov V.P. The limits of the exercise and protection of civil rights. M. : Legal literature, 1992.401 p.
22. Emelyanov V.I. Reasonableness, conscientiousness, non-abuse of civil rights. M. : "Lex - Kniga", 2002.160 p.
23. Vavilin E.V. Exercise and protection of civil rights. M. : Walters Kluver, 2009.360 p.
24. Bogdanova E.E. The conscientiousness of the participants in contractual relations and the problems of protecting their subjective civil rights. Author's abstract. dis. ... doc. jurid. sciences. Moscow, 2010.64 p.
25. Sazanova I.V. On the relationship between the concepts of "bad faith" and "abuse of law" // Russian legal journal. 2008. No. 1. S. 172-177.
26. Gadzhiev G.A. Constitutional principles of a market economy. M. : "Lawyer", 2004.286 p.
27. Yakubchik M.M. The complex concept of good faith: correlation with the doctrine of abuse of law // Journal of Russian law. 2012. No. 10. S. 107-115.
27. Yakubchik M.M. The complex concept of good faith: correlation with the doctrine of abuse of law // Journal of Russian law. 2012. No. 10. S. 107-115.
28. Beknazar-Yuzbashev, G.T. Abuse of law and the principle of good conscience in civil law in Russia and Germany. Author's abstract. dis. ... Cand. jurid. sciences. M., 2010.25 p.
29. Radchenko S.D. Abuse of law in civil law of Russia: Author's abstract. dis. ... Cand. jurid. sciences. M., 2008.30 p.